

Список использованной литературы:

- 1 Tsuruoka, M. (2019). The NATO-Japan relationship: Lambert's diverse geometry.
- 2 Simón, L. (2019). Europe, the rise of Asia and the future of the transatlantic relationship. *International Affairs*.
- 3 Gilson, J. (2020). EU-Japan Relations: From Trade to Strategic Partnership.
- 4 Christiansen, T., & Kirchner, E. (2019). Security Relations between China and the European Union
- 5 Носов М.Г. (2015) ЕС - Япония. / Европейский Союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. Москва: Весь Мир.
- 6 Чижевская Мария Павловна О роли США в японо-европейских отношениях: актуальна ли концепция трилатерализма? // Японские исследования. 2022. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-ssha-v-yapono-evropeyskih-otnosheniyah-aktualna-li-kontsepsiya-trilateralizma> Дата обращения: 30.11.2025
- 7 Чижевская Мария Павловна Режим свободной торговли: интересы и опасения ЕС и Японии // Современная Европа. 2017. №3 (75). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-svobodnoy-torgovli-interesy-i-opaseniya-es-i-yaponii> Дата обращения: 30.11.2025
- 8 JEFTA: THE JAPAN-EU FREE TRADE AGREEMENT [Электронный ресурс] URL: <https://balguerie.com/en/news/jefta-japan-eu-free-trade-agreement> Дата обращения: 29.11.25
- 9 Каренин Денис Михайлович, Кузьмин Вадим Александрович ЯПОНИЯ И ЕС: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI В // История и современное мировоззрение. 2021. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-i-es-transnatsionalnoe-sotrudnichestvo-v-hhi-v> Дата обращения: 30.11.2025
- 10 Cesar de Prado (2017) Towards a Substantial EU-Japan Partnership

МЕСТО И РОЛЬ КИТАЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Болтунов С.А.

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры иностранных языков

Адилханова Г.Б.

Карагандинский национальный исследовательский университет

имени академика Е.А.Букетова

Караганда, Казахстан

madzwasdqaz@gmail.com

Современная система международных отношений находится в постоянном изменении. Баланс сил на глобальном и региональном уровнях перераспределяется, а эффективность старых институтов мирового порядка вызывает сомнения. В первой четверти XXI века мы наблюдаем, как «однополярная эпоха» после Холодной войны постепенно сменяется сложной многополярной системой. В центре этих тектонических сдвигов - Китайская Народная Республика (КНР), которая вернулась на мировую арену с невиданной скоростью и масштабам. «Мирное восхождение» Китая это не просто появление новой экономической державы, а стратегическое заявление нового глобального игрока, который прямо или косвенно ставит под сомнение принципы либерального международного порядка, сформированного Западом, в первую очередь США. Таким образом, определение места Китая в этой меняющейся системе и анализ его роли, это одна из ключевых задач в изучении современных международных отношений.

Актуальность этой темы определяется рядом ключевых факторов. Во-первых, абсолютное господство Китая в глобальной экономике. Он превратился из «фабрики мира» в инновационную державу, стремящуюся установить глобальные стандарты в высоких технологиях, искусственном интеллекте, зеленой энергетике и технологиях 5G. Схождение этой экономической мощи в политическое влияние стало основным двигателем современных международных отношений.

Во-вторых, усиление стратегического противостояния между США и Китаем. Это противостояние выходит далеко за рамки торговых и экономических разногласий, охватывая вопросы технологической суверенности, военно-стратегического превосходства (особенно в Южно-Китайском море и проливе Тайвань), а также идеологических и ценностных аспектов (либеральная демократия против «социализма с китайской спецификой»). Многие эксперты характеризуют эту ситуацию как «новую холодную войну» или, в терминологии Грейхема Аллсона, «ловушку Фукидида». Исход этого противостояния определит характер мирового порядка XXI века.

В-третьих, активная роль Китая в глобальном управлении. В то время как ранее, следуя принципу Дэн Сяопина «скрывать возможности и ждать подходящего момента», Китай был пассивным участником международной системы, эпоха Си Цзиньпина «нового времени» отмечена переходом к фазе «активного стремления к достижению». Это проявляется в реализации глобальной инициативы «Пояс и путь» (BRI), создании альтернативных институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), активной позиции в Совете Безопасности ООН и деятельности в рамках ШОС и БРИКС.

Статья опирается на фундаментальные теории международных отношений и общие научные методы. Работа использует подход теоретического эклектизма, избегая одностороннего взгляда. В частности, применяются принципы неореализма (Дж. Мирсаймер [1]) для анализа противостояния США и Китая, баланса сил и дилеммы безопасности. Неолиберальный институционализм (Р. Кихан [2], Дж. Най [3]) используется для понимания интеграции Китая в международные институты (ВТО), экономической взаимозависимости и создания альтернативных институтов (АБИИ). Конструктивизм применяется для анализа восприятия Китаем своей роли и желания изменить международные нормы и идентичность через концепции вроде «сообщества общей судьбы для человечества».

1. Теоретические и историко-экономические основы позиции Китая в современной системе международных отношений

Современный этап развития международных отношений ознаменован подъёмом Китайской Народной Республики (КНР) в качестве глобального актора. Этот процесс не только изменил баланс сил на планете, но и поставил под сомнение потенциал классических парадигм теории международных отношений (ТМО). Подъём Китая потряс основы западнцентрического мирового порядка и потребовал пересмотра фундаментальных принципов международной структуры, возникшей после Вестфальской системы.

С позиции реализма Китай воспринимается как прямая угроза западной гегемонии. Агрессивный реализм утверждает, что рост Китая неизбежно приведёт к столкновению с гегемонией, возглавляемой США. Джон Мирсаймер [1] подчёркивает, что усиливающаяся экономическая мощь Пекина непосредственно преобразуется в расширенные военные возможности, и Китай будет стремиться к доминированию в Азии, а в конечном счёте - к вытеснению США из региона.

Либерализм акцентирует внимание на интеграции Китая в глобальные институты. По мнению Джона Икенбери [4], либеральный порядок «липкок»: его открытость и ориентация на правила делают участие в системе выгодным даже для Китая, который таким образом ищет своё место в существующей структуре, а не стремится её разрушить.

Конструктивизм сосредотачивается на идентичности Китая и его стремлении к созданию альтернативной модели международного порядка. Аналитики, такие как Аластер Иэн Джонстон [5], показывают, как участие Китая в международных институтах трансформировалось от пассивной «социализации» к активному пересмотру их норм и принципов.

Феноменальный экономический подъём Китайской Народной Республики за последние четыре десятилетия считается беспрецедентным событием в истории международных отношений. Однако важен не масштаб этой экономической мощи сам по себе, а процесс её превращения в геополитическое, дипломатическое, военное и нормативное влияние. Чтобы понять его логику, необходимо проследить переход от доктрины Дэн Сяопина «скрывать свои силы и ждать подходящего момента» (韬光养晦, taoguang yanhui) к подходу Си Цзиньпина, опирающемуся на установки «стремиться к активному достижению» (奋发有为, fengfa yuwei) и концепцию «Китайской мечты» (中国梦). Стратегия Дэна была нацелена на избежание международных конфликтов, недопущение открытой конфронтации с либеральным миропорядком, возглавляемым США, и максимальное использование его преимуществ (инвестиций, технологий и рынков) для внутренней модернизации и наращивания экономического потенциала [6]. На этом этапе внешняя политика фактически подчинялась задачам развития: сознательного увязки между экономическим усилением и внешнеполитической экспансией ещё не было.

Кульминацией данной линии стало вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 году, обеспечившее его полную интеграцию в мировую экономику и превращение в «фабрику мира». На Западе этот шаг трактовали в духе либеральной теории: исходили из того, что экономическая свобода и рост среднего класса неизбежно приведут к политической либерализации Китая и его «мирному» встраиванию в созданный Западом порядок [7]. Однако подобные ожидания оказались ошибочными: Пекин умело использовал правила либерального порядка для укрепления собственной модели государственного капитализма, не принимая её политико-идеологические

основания. Переломным моментом стал глобальный финансовый кризис 2008 года, когда западные экономики, прежде всего США, погрузились в рецессию, тогда как Китай за счёт масштабного государственного стимулирования сохранил устойчивые темпы роста. Это подорвало веру китайской элиты в «безупречность» западной модели и, напротив, укрепило уверенность в достоинствах собственного пути развития, так называемого «Пекинского консенсуса» (北京共识) [8]. Именно с этого периода начинается активная фаза превращения экономической мощи в инструмент внешнеполитического влияния.

С приходом Си Цзиньпина к власти в 2012 году процесс сближения стал ядром официальной стратегии. Концепция «Китайской мечты», «великого возрождения китайской нации» предполагает трансформацию накопленного богатства в национальную силу, международный престиж и способность формировать мировую архитектуру. В этом контексте особое значение приобретает инновационно-технологическое измерение. Пекин осознал, что статус «фабрики мира» исчерпал свои возможности: великая держава должна не только производить продукцию, но и задавать стандарты, технологии и инновации. Стратегия «Сделано в Китае 2025» направлена на снижение зависимости от зарубежных технологий и завоевание лидерства в высокотехнологичных отраслях, таких как искусственный интеллект, робототехнике, 5G-связи и микроэлектронике [9].

2. Анализ роли Китая в международных институтах (ООН, ВТО, ШОС, БРИКС) и его влияние на глобальное управление

Стратегия Китая по воздействию на современную систему глобального управления не ограничивается геоэкономической экспансией через инициативу «Пояс и путь» (BRI). Второй, и, возможно, ещё более важной, её опорой является всестороннее и многоплановое участие в международных институтах. «Новая эпоха» Си Цзиньпина окончательно освободила Китай от пассивной, низкопрофильной линии Дэн Сяопина. Если раньше Китай был преимущественно «участником» и «пользователем» существующей системы, то теперь он активно позиционирует себя как её «реформатор» и «создатель альтернатив». Этот процесс можно охарактеризовать как стратегию «институционального дуализма»: одновременное влияние на созданные Западом институты изнутри и укрепление незападных, альтернативных площадок (ШОС, БРИКС).

Первая сфера - реформирование институтов либерального международного порядка (ООН, ВТО) изнутри.

Китай, избегая прямых шагов против Запада, стремится не разрушать существующую систему, а адаптировать её к своим национальным интересам и нормативным установкам.

Организация Объединённых Наций - является ключевой площадкой, через которую Китай демонстрирует себя как «ответственную великую державу». Используя статус постоянного члена Совета Безопасности (P5), Пекин усиливает своё влияние несколькими способами.

Во-первых, финансовое влияние. В настоящее время Китай второй по величине плательщик в общий бюджет ООН и бюджет миротворческих операций после США. Такая стратегия «pay-to-play» позволяет ему продвигать своих граждан на ключевые должности в Секретариате ООН.

Во-вторых, управление специализированными учреждениями. В последние годы Китай активно добивается назначения своих представителей на руководящие посты в стратегически важных, хотя формально технических агентствах, таких как Международный союз электросвязи (ITU), Продовольственная и сельскохозяйственная организация (FAO) и Международная организация гражданской авиации (ICAO). Это даёт возможность определять глобальные технические стандарты, телекоммуникационные протоколы и аграрные регламенты, важные для BRI и «Цифрового Шёлкового пути» [10].

В-третьих, нормативный сдвиг. Наиболее заметные изменения наблюдаются в Совете ООН по правам человека (HRC). Китай активно противодействует западной универсальной концепции прав, основанной на индивидуальных, политических и гражданских свободах, и продвигает альтернативный нарратив, в котором приоритет отдаётся «праву на развитие», экономической стабильности и национальному суверенитету. Опираясь на поддержку стран «Глобального Юга», Пекин не только блокирует резолюции, осуждающие его политику в Синьцзяне и Гонконге, но и добивается включения своих внешнеполитических лозунгов - таких как «взаимовыигрышное сотрудничество» - в официальные документы ООН.

Всемирная торговая организация (ВТО). Роль Китая в ВТО крайне противоречива. Его вступление в 2001 году стало основным катализатором китайского экономического «чуда». Однако сегодня США и ЕС обвиняют Пекин в нарушении «духа» правил ВТО, поскольку существующие нормы оказались неспособны эффективно реагировать на китайскую модель государственного капитализма (масштабные субсидии госкомпаниям, слабая защита прав интеллектуальной собственности, принудительный трансфер технологий). Стратегия Китая здесь носит оборонительный

характер. С одной стороны, Си Цзиньпин (речь в Давосе, 2017 г.) позиционирует себя как «главного защитника глобализации и свободной торговли» в противовес американскому протекционизму. С другой стороны, Китай блокирует реформу Апелляционного органа ВТО, поскольку она может привести к пересмотру его экономической модели. Таким образом, Пекин использует ВТО как легитимную площадку для защиты своего государственного капитализма и сопротивления западному давлению.

Вторым, и всё более значимым, направлением влияния Китая на глобальное управление является создание параллельных институциональных структур, которые снижают зависимость от Запада и опираются на китайское лидерство (ШОС, БРИКС).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Изначально созданная в 2001 году для урегулирования пограничных споров в Центральной Азии и борьбы с «тремя злами» (терроризм, сепаратизм и экстремизм), ШОС под совместным руководством Китая и России превратилась в полноценный евразийский политико-безопасный блок, альтернативный западным альянсам (например, НАТО). Ключевой ценностью ШОС является «шанхайский дух» - невмешательство во внутренние дела, безусловное уважение суверенитета и противодействие «цветным революциям». Это прямой идеологический антипод западным доктринам либерального интервенционизма, таким как продвижение демократии или концепция «ответственности по защите». Для Китая ШОС это способ обеспечить себе «стратегический тыл» в Центральной Азии, продвигать BRI на региональном уровне и нормализовать авторитарную модель управления на международной арене. Расширение организации за счёт новых членов, таких как Индия, Пакистан и Иран, усилило её геополитическое значение, но также обострило внутренние противоречия (например, между Китаем и Индией) [11].

БРИКС. В то время как ШОС фокусируется на региональной безопасности, БРИКС является основной глобальной платформой для претензий Китая на лидерство среди стран «Глобального Юга». В экономическом отношении Китай превосходит суммарный ВВП остальных четырёх стран-участниц (на первоначальном этапе), что делает его де-факто лидером объединения. Главным достижением БРИКС стало создание Нового банка развития (NDB) и Пула условных валютных резервов (CRA) как прямой альтернативы МВФ и Всемирному банку. Эти финансовые институты предоставляют кредиты без политических условий, характерных для «Вашингтонского консенсуса», обеспечивая развивающимся странам доступ к альтернативным источникам финансирования и делая первые шаги к ослаблению долларовой гегемонии. В 2023 году крупномасштабное расширение БРИКС за счёт включения Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии стало стратегической победой Китая в формировании глобальной коалиции, способной противостоять G7 и поддерживать многополярный мир, богатый природными ресурсами.

Заключение

В условиях трансформации современной системы международных отношений исследование показало, что Китай прошёл путь от пассивной, экономически ориентированной внешней политики времён Дэн Сяопина к статусу активной глобальной державы в «Новой эпохе» Си Цзиньпина. Этап «мирного возвышения» сменился фазой прямого влияния на архитектуру глобального управления, опирающейся на концепции «Китайской мечты» и «великого возрождения китайской нации».

Проведённый теоретико-концептуальный анализ подтвердил, что феномен Китая нельзя объяснить в рамках одной теории: неореализм раскрывает логику соперничества с США, неолиберальный институционализм - специфику интеграции в ВТО и другие институты, а конструктивизм, стремление Пекина менять международные нормы и дискурс. Экономический подъём КНР превратился из источника внутренней легитимации в основу внешнеполитического влияния через «Сделано в Китае 2025», «Цифровой шелковый путь» и инициативу «Пояс и путь», которая фактически выступает элементом «большой стратегии» по переустройству евразийского пространства.

Роль Китая в ООН, ВТО, ШОС, БРИКС и новых финансовых институтах свидетельствует о стратегии институционального дуализма: сочетании участия в либеральном порядке с параллельным созданием постзападных альтернатив. На этом фоне стратегическое соперничество США и КНР становится центральным фактором эволюции мирового порядка. В итоге Китай предстаёт не как чисто революционная или сугубо статус-кво держава, а как ревизионистско-реформистский центр силы, использующий выгоды либеральной системы и одновременно трансформирующий её в направлении более благоприятной для себя многополярной, «постзападной» модели.

Список использованной литературы:

1. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics : Updated Edition / J. J. Mearsheimer. - New York : W.W. Norton & Company, 2014.

2. Keohane, R. O. Power and Interdependence : World Politics in Transition / R. O. Keohane, J. S. Nye. - 4th ed. - Boston : Longman, 2012.
3. Nye, J. S. Soft Power : The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. - New York : PublicAffairs, 2004.
4. Ikenberry, G. J. A World Safe for Democracy : Liberal Internationalism and the Crises of Global Order / G. J. Ikenberry. - New Haven : Yale University Press, 2020.
5. Johnston, A. I. China in a World of Orders : Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations / A. I. Johnston // International Security. - 2019.
6. <https://www.gestrategy.org.uk/research/chinas-belt-and-road-initiative-ten-years-on/> Дата обращения: 25.11.2025.
7. Lardy, N. R. Integrating China into the Global Economy / N. R. Lardy. - Washington D.C. : Brookings Institution Press, 2002.
8. Jacques, M. When China Rules the World : The End of the Western World and the Birth of a New Global Order / M. Jacques. - 2nd ed. - New York : Penguin Books, 2012.
9. Made in China 2025 [Electronic resource] / Center for Strategic and International Studies (CSIS) ; S. Kennedy. - Washington D.C. : CSIS, 2015. - Access mode : <https://www.csis.org/analysis/made-china-2025>.
10. Segal, A. The New U.S.-China Tech Cold War : A Chinese Dystopia / A. Segal // Foreign Affairs. - 2021.
11. Mahbubani, K. Has China Won? : The Chinese Challenge to American Primacy / K. Mahbubani. - New York : PublicAffairs, 2020.

ОТНОШЕНИЯ КАЗАХСТАНА И КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Зобов Д.А., Петров А.А.

Научный руководитель: преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений
Кожабергенова А.Е.
Карагандинский национальный университет
имени академика Е. А. Букетова
Danchik07-06@mail.ru
Г. Караганда

В современных реалиях сотрудничество между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан являются примером отношений на основе взаимного понимания добрососедства и равенства. Страны прошли путь от установления дипломатического контакта и стратегического партнерства до экономического сотрудничества, и совместных региональных проектов. Казахстан и Китай являются «соратниками на пути модернизации» [1, с. 3]. Занимая ведущее экономическое положение в Центральной Азии, Казахстан выступает ключевым партнёром Китая в сферах энергетики, строительстве, образовании и современных технологиях. По данным Евразийского Банка Развития, номинальный объем ВВП Казахстана в 2021 г. составил \$197,1 млрд. и в 1,3 раза превысил совокупный объем четырех других стран региона. ВВП Казахстана на душу населения по ППС по итогам 2021 г. превысил показатели других стран Центральной Азии в два-семь раз [2, с. 21]. С каждым годом, сотрудничество между странами становится все качественнее. Политико-правовая база насчитывает 557 документов. Китай высоко ценит вклад Казахстана в развитие таких организаций как: ШОС, МАГАТЭ, СВМДА. КНР и РК тесно взаимодействуют в ООН и стремятся к содействию в вопросах политической безопасности и справедливости, экономической глобализации и социального равенства. В статье исследуется текущее состояние и ключевые тенденции в политическом и экономическом взаимодействии между Казахстаном и Китаем.

В последнее 30 лет, Китайская экономика добилась внушительных успехов в экономике, укрепила военный и научно-технический потенциал, а также нарастила свое влияние в мире. Заметное усиление «китайского» фактора в мировой политике существенно увеличивает внимание мирового сообщества к изучению Китая, его экономики, внутренней и внешней политики, восприятия КНР своего места в мире, ее дипломатической стратегии. Немаловажную роль в региональной политике Китая играет Казахстан: благодаря своим географическим характеристикам он занимает важнейшее геостратегическое положение, напрямую влияя на региональную безопасность Центральноазиатского